

АЛЕКСА ГРАНД

Ной

(НЕ)СНОСНЫЙ СОСЕД

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Алекса Гранд
Мой (не)сносный сосед

«Автор»

2024

Гранд А.

Мой (не)сносный сосед / А. Гранд — «Автор», 2024

Жизнь Алены Васильевой была скучной ровно до того момента, пока в ней не появился замечательный сосед. Иван Филатов уговорил Алену притвориться его невестой, и соседские войны плавно переросли в проживание на одной территории. С очаровательным енотом Геннадием, нарядом ОМОНа, заглянувшим на кофеек, и властной мамой Ивана.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алекса Гранд

Мой (не)сносный сосед

Глава 1

Иван

– Скажите, как вы относитесь к редким животным?
– Ну, я там не знаю про редких животных,
но у меня соседка по парадной – вот она редкая с**а...

(с) к/ф «День радио».

– Сколько мы с тобой вчера выпили, а? – дергаю за пятку развалившегося на ковре друга. То, что он уснул на полу, а я в постели в компании двух аппетитных брюнеток, скорее закономерность, чем сюрприз. Благо, Захар перестал обижаться на меня очень давно. Примерно, с нашей первой попойки на день первака в универе.

– Литра три-четыре, – товарищ запускает пятерню в волнистую светлую шевелюру и морщится. Видимо, в башке у него сейчас тоже обезьянки бьют в барабаны, а во рту самая что ни на есть пустыня Сахара.

Я тоже кривлюсь, потому что воды поблизости не наблюдается, а сопящая рядом то ли Катя, то ли Света почти намертво придавила меня ногой в черном кружевном чулке к кровати. Осторожно снимаю с себя чужую симпатичную конечность и так же аккуратно освобождаюсь от тонких пальцев с перламутровым маникюром, облюбовавших мою талию.

Ненадолго задерживаюсь взглядом на узкой полоске черной ткани, теряющейся между двух половинок округлых бедер, и прикрываю наготу пушистым темно-коричневым одеялом. Все-таки девчонка не настолько хороша, чтобы я нарушил свято лелеемое правило одной ночи.

С громким зевком я выбираюсь из постели и шлепаю на кухню, отчаянно надеюсь найти спасающий от похмелья грейпфрутовый сок. Но кто-то успел меня опередить: полки холодильника девственно пусты, так что приходится довольствоваться водой из-под крана.

– Чувак, я хочу к этой Кате подкатить, ты не против? – спрашивает Захар, пока я засовываю голову под холодные струи и пытаюсь хоть немного протрезветь. Потому что в башке все так же гудит, а перед глазами плывет алкогольный туман.

– А почему я должен быть против? – вытираю лицо белым вафельным полотенцем и недоуменно смотрю на друга, до сих пор не въезжая в ситуацию.

– Ну ты ж вчера с ней зажигал.

– Да хоть обеих забирай, – и мне, конечно, приятно, что Лагутин чтит мужской кодекс чести, но продолжать знакомство с девушками, имена которых я даже не смог запомнить, вряд ли входит в мои планы.

В доме царит погром, пустые бутылки валяются на полу, а упаковка от пиццы каким-то волшебным образом перекечевала в ванную. На люстре висит сдувшийся воздушный шарик, из ботинка почему-то торчат маракасы, и я начинаю сомневаться, что мы с Захаром были в адеквате вчера.

Голова по-прежнему напоминает гудящий улей, координация движений возвращается медленно, так что я считаю за благо вызвать клининговую службу, так как сладко посапы-

вающие в спальне крали вряд ли приучены к общественно полезному труду, а нас с другом банально жалко.

С чувством выполненного долга я растягиваюсь на диване и от нечего делать звоню Истоминой – моему любимому тирану и деспоту. Уверенному, что без ее присмотра я ограблю банк, сожгу костел и, в качестве вишенки на торте, взорву собственную квартиру.

– Саш, Лизу дай, – после непродолжительной возни в трубке раздается хриплый сонный голос явно ничего не соображающей Лизаветы. – У меня все в порядке. Жив, здоров и готов дальше раздражать вас с Волковым. Это вы всем салоном мой уход отмечали вчера?

– Филатов, честное слово, ты хуже выездной проверки от налоговой. Богом молю, стань нормальным человеком, перестань пить и найди себе девушку, – озвученная Лизкой просьба больше похожа на проклятие, и я считаю за благо отключиться, не дослушав подругу.

Как оказывается, очень вовремя, потому что у двери меня уже ждет мастер чистоты. Невысокая худая девчонка с огромными ярко-голубыми глазищами ожесточенно вдавливая кнопку звонка, отчего гул в моих ушах становится просто нестерпимым. Я отцепляю ее тонкие пальцы от орудия пыток и за запястье втягиваю в коридор, попутно отмечая, что вместо привычных желтых брюк и куртки на ней одет свободный джинсовый комбинезон. И если короткий серый топ, открывающий плоский загорелый живот – их новая униформа, то за это я совершенно точно готов поблагодарить менеджера по работе с персоналом.

Кнопка, а именно так ее хочется называть, особенно на фоне моего двухметрового роста, полирует меня недовольным взглядом и не собирается приступать к уборке. Мое терпение быстро подходит к концу, тем более, что она неодобрительно кривит небольшие, но пухлые губы, обнаруживая пустые пачки из-под чипсов рядом с подошвой ее бело-розовых кед.

– Тик-так, тик-так, Кнопка, часики тикают, – тыкаю в воображаемый циферблат отсутствующих на руке часов и, представив не совсем рабочую картину, многозначительно ухмыляюсь: – за сверхурочные доплачивать не буду.

С невозмутимым лицом девушка перешагивает через пустую жестяную банку из-под колы и приближается ко мне, на секунду обдавая приятным персиковым ароматом. Ненадолго прикладывает ладошку к моему лбу и, сделав какой-то свой вывод, отшагивает обратно.

– Так я и думала. Диагноз ясен: больной, – эта выскочка стоит, высоко подняв острый подбородок, а за моей спиной раздается громкий, лошадиный ржач. На звук нашей перепалки Захар притопал из кухни и теперь нагло развлекается за мой счет.

– Слушай, вот это уже ни фига не смешно, – я силком впихиваю в ее руки цветастую щетку, по слогам растягивая свою следующую фразу: – знакомьтесь. Кнопка – это пипидастр, пипидастр – это Кнопка. И вместе вы надраите эту квартиру до блеска. Ферштейн?

– Стесняюсь спросить, – сейчас девушка выглядит вполне мило и даже глаза вниз опустила, прикрыв невыносимую синь частоколом из пушистых ресниц. – А ничего нигде не треснет?

– Треснет! Мое терпение и, может быть, твой комбинезон.

Я зря не прислушиваюсь к буквально-таки вопящей интуиции, которая сигнализирует о том, что где-то я совершил серьезный такой прокол. Потому что ровно через тридцать секунд Кнопка забирает у Захара огромную бадью с еще теплым кофе, оставляет в его ладонях щетку для пыли и выливает на меня пол-литра пахнувшей жженым коричневой жидкости.

– Холодильник с моего коврика убери, придурок! Я домой зайти не могу, – и пока до меня доходит, что эта маленькая фурия никакая не уборщица, а новая соседка из квартиры напротив, девчонка с выразительным грохотом ставит пустую кружку на трюмо, оставляя грязные разводы на светлой поверхности.

По моему лбу катятся струи остывающего американо, злость волнами подкатывает к горлу, а чувство собственного достоинства где-то в глубокой заднице. Друг гогочет во весь

голос, Кнопка звонко мелодично хихикает с ним в унисон, а апофеоза этому театру абсурда добавляет то ли Катя, то ли Света, выпершаяся в коридор в одной простыне.

– А что, мы на Майорку уже не летим, м?

Глава 2

Алена, за несколько часов до описываемых событий

*Если что-то и приводит в уныние мою семью, то это мои тюремные истории. Но мне
ведь больше
некому их рассказывать.*

(с) Роберт Дауни.

– Вась, по-моему, мы горим! – взволнованно кричит из гостиной мама, ну, а я несусь на кухню спасать курицу. Первым делом вытаскиваю страдалицу из печи, затем распахиваю настежь окно и взглядом дотошного инспектора изучаю слегка подпаленную шкурку. Пронесло!

– Отбой тревоги! – звонко командует Вероника, отчего даже мне хочется вытянуться по струнке, и своевременно останавливает Петьку, моего младшего брата и ее племянника в одном лице. Забирает из перемазанных грифелем пальцев огнетушитель и чуть слышно выдыхает: – какое счастье свалить из этого дурдома.

Через пару часов тетя Ника, с которой у нас разница всего-то пять лет, отправляется в туманный дождливый Санкт-Петербург, где ее ждет заботливый и обеспеченный жених. Ее же недавно приобретенная однушка на тринадцатом этаже переходит в мое безраздельное пользование, так что Вероникин энтузиазм по поводу отъезда передается и мне. Разбегается кровью по венам, заставляет мурлыкать «Я свободен» и пританцовывать на месте.

– Ален,пусти гостей, пожалуйста, – мамин голос отвлекает от заманчивых мыслей о новоселье и прелестях самостоятельной жизни, и я иду исполнять обязанности хозяйки нашего буйного, но достаточно дружного дурдома.

Отпираю дверь и неимоверным усилием воли удерживаю улыбку на лице, потому что Галина Васильевна мне явно не рада. Ей-богу, Ленин на буржуазию и то приветливее смотрел, чем она – на мою несчастную тушку.

– Всем мыть руки и за стол, – в прихожую очень вовремя вливается Вероника, приобнимает меня за плечи и выпроваживает в зал с тихим шепотом «расслабься, это всего лишь обед».

Через пять минут мы все рассаживаемся за круглым столом, раскладываем по тарелкам мамину фирменную «Селедку под шубой» и от всей души нахваливаем ее кулинарные таланты. После чего мне приходится стойко выдерживать пятнадцатиминутную хвалебную оду в честь дочери маминой подруги и делать вид, что тема диссертации сестры волнует меня чуть больше глобального потепления. Хреново быть эдаким гадким утенком в семье, по ошибке затесавшимся в стаю к белым лебедям. Вон, даже Петьку хвалит учитель в художественной школе, а я в универе второй раз восстанавливаюсь.

– За что там твою Аленку из вуза отчислили? – давит на больное соседка, а я невольно задумываюсь, за что она меня так невзлюбила? Может, за тот случай, когда я ее Машеньке песок на голову высыпала? Так, ведроко игрушечное было, небольшое. И, вообще, нечего было у меня лопатку отбирать.

– За покушение на убийство сына ректора, – бодро рапортую я, заставляя Петьку с Никой тихо хихикать, а Галину Васильевну – обалдевать от шока.

Привыкшая к моим выкрутасам мама обреченно воздевает глаза к потолку, я же, не испытывая ни малейших угрызений совести, перекладываю на тарелку большой кусок «Наполеона» и борюсь с желанием совершенно по-детски показать обществу язык.

– А Машеньке должность в «Газпроме» предложили, – соседка возвращается к теме, о которой может говорить вечно, ну, а мой мозг временно отключается, пока рот сам выдает.

– Уборщицы?

Осуждающе-злое «Елена-а-а» сливается с грустным «Ва-а-ась», а я отказываюсь пристыженно краснеть и раскаиваться. Наливаю стакан воды и заботливо передаю его закашлявшейся Галине Васильевне, заговорщически подмигиваю давящемуся смехом Петру и тянусь за дополнительной порцией торта. Не парюсь о лишних калориях, потому что ни на бедрах, ни на животе они у меня не откладываются. Видимо, сразу перерабатываются в чистую энергию и не дают спокойно сидеть на месте.

– Васька-Васька, – укоризненно качает головой мама и, поправив выбившийся из идеальной укладки каштановый локон, произносит с неподдельной тревогой: – как с твоим характером с кем-то ужиться?

– А я не собираюсь ни с кем ужиться. По крайней мере, в ближайший год точно, спасибо тете Нике, – легкомысленно пожимаю плечами и, разделавшись с десертом, встаю из-за стола.

Целую маму в висок и топаю в коридор, шнуровать любимые кеды. Подбираю с пола черный рюкзак с изображением приплясывающего единорога и разглядываю в зеркале довольное отражение. Игнорирую несущееся вслед «когда всем скромность и мозги раздавали, твоя дочь в очереди за сарказмом стояла» и предвкушаю, какие занавески повешу в перешедшей в мои владения кухне.

Новое место обитания встречает довольно-таки просторным холлом, ярким освещением и тучной консьержкой образца восьмидесятых. Колорита суровой женщине добавляют угольно-черные толстые брови, торчащие из волнистых каштановых с проседью волос бигуди и звучащие из радиоприемника «Белые розы».

– Здравствуйте, меня зовут Алена Васильева, – свечусь от распирающего меня счастья и кладу на стойку плитку молочного шоколада, налаживая связи на будущее. – На тринадцатом буду жить.

– В сто пятидесятой? – дождавшись моего утвердительного кивка, вахтерша как-то подозрительно округляет зеленые глаза и совсем не радушно выдает: – храни тебя Бог, деточка.

– Пусть лучше хранит моих соседей, – бормочу вполголоса, направляясь к лифту и зачем-то рисуя в воображении вчерашний поход в деканат, который наш долговязый рыжеволосый староста заполнит надолго. Запишет в фиолетового цвета дневник, а потом с содроганием будет рассказывать о нем внукам.

Мысленно я уже разбираю перевезенные накануне сумки, развешиваю немногочисленные платья в шкаф, складываю на полку майки со смешными принтами и дурацкими надписями и иду заваривать привезенный тете Нике каким-то знакомым настоящим китайский чай. Но суровая реальность со всего маху бьет под дых и заставляет спуститься с небес на землю и гадать, что делать с перекрившим проход в мою квартиру холодильником.

Мучить чужой дверной звонок приходится долго, и я уже почти успеваю отчаяться, думая, что хозяин либо уехал на работу, либо спит таким беспробудным сном, что его не поднимешь фанфарами. Однако спустя пять минут моих терзаний на пороге появляется лохматый, заспанный, но все-таки симпатичный парень. Его слегка волнистые темно-каштановые волосы топорщатся в разные стороны, светло-карие глаза щурятся от яркого света, а под белой помятой футболкой перекачиваются литые мускулы. И я даже пискнуть не успеваю, как эта помесь неандертальца с зомби затаскивает меня внутрь.

Бардак в прихожей царит адский: на полу валяются пустые бутылки и упаковки из-под чипсов, на зеркале в углу почему-то висит сомбреро, а выглядывающие из ботинок сорок

пятого размера маракасы прямо-таки кричат о неадекватности их владельца, судя по всему, принявшему меня за мастера чистоты.

– Короче, Кнопка – это пипидастр, пипидастр – это Кнопка. И вместе вы надраите эту квартиру до блеска. Ферштейн? – брюнет явно не понимает, что только что подписал себе приговор, а у меня к горлу разом подкатывает вся усталость прошедшего дня вместе с накопившимся негодованием.

– Стесняюсь спросить, а ничего нигде не треснет? – вкладываю в голос всю нежность, на которую я только способна, и даю этому смертнику последний шанс, которым он не пользуется и со смачным грохотом забивает гвоздь в крышку своего гроба.

– Треснет! Мое терпение и, может быть, твой комбинезон.

Торжествующую улыбку с красивого лица я смываю очень быстро, позаимствовав бадью с кофе у выпершегося поглазеть на это представление блондина. Выливаю на голову соседа пол литра божественного напитка, отставляю пустую посудину на трюмо и, скрестив руки на груди, ору.

– Холодильник с моего коврика убери, придурок! Я домой зайти не могу, – как ни странно, от выплеска эмоций становится легче. И я вновь обретаю способность трезво оценивать окружающую обстановку и начинаю просчитывать пути к отступлению, потому что глаза опешившего от такой наглости парня опасно темнеют и начинают прожигать в районе моего лба дыру. И я боюсь, что принять в качестве жертвы закутанную в простыню фифу, вещающую что-то о Майорке, двухметровый австралопитек не согласится. Упс.

Глава 3

Иван

*Сколько страсти в отношениях соседей!
Одни заливают, другие стучат по батарее,
третьи подслушивают, случайно.
Если бы Шекспир жил в хрущёвке,
он написал бы ещё много великих трагедий.*

(с) «Следствие вели...».

Кофе постепенно засыхает и превращается в бурые сладкие потеки на моем лбу, а я делаю вот уже пятый глубокий вдох, который ни фи́га не помогает успокоиться. Все так же громко ржет Захар, по-прежнему ничего не понимает изображающая древнегреческого полководца то ли Катя, то ли Света, по нервам бьют отсчитывающие секунды настенные часы. Мрак.

– Может, тебе валерьяночки? – с неподдельным состраданием интересуется Кнопка, обрывая и без того ослабшие поводыя самоконтроля, и у меня падает планка.

Я не знаю, почему так неадекватно реагирую на присутствие незнакомки, но задетое пострадавшее самолюбие требует кровавого отмщения. И я срываюсь с места, намереваясь слегка придушить бесящую все мое существо соседку. Девчонка, не будь дурой, начинает стратегическое отступление, ловко перепрыгивает через встречающийся у нее на пути мусор, подхватывает с тумбочки нелепый рюкзак с кривым, как будто издевающимся надо мной единорогом и пробкой выскакивает из квартиры.

Я же, напротив, мешкаюсь, путаюсь в своих же ногах и спотыкаюсь о чертов коврик, который Лагутин зачем-то припер из клуба. А дальше все как в замедленной съемке, в лучших традициях тупых американских комедий. Пав жертвой собственного невезения и неуклюжести, я отрываюсь от пола, пролетаю прихожую и с грацией бегемота приземляюсь на холодный кафель, ударяясь лбом обо что-то металлическое. Больно, блин.

– Отбегался? – теперь уже без тени сочувствия спрашивает Кнопка, присаживаясь на корточки, и с любопытством изучает мою рану. Пальцы у нее проворные, гибкие. – Обработать надо.

– Не надо, – бурчу из природной вредности и нежелания еще больше влипнуть в это персиковое недоразумение. Это ее еще чаем поить придется в качестве благодарности.

Но девчонке плевать на мои размышления и планы. Она встает сама и осторожно тянет меня за ладонь.

– Поднимайся, хватит из себя Роналду изображать.

Подкол засчитан. Пять очков Гриффиндору за любовь к футболу.

В общем, уже через минуту я сижу в коридоре прямо на трюмо, а Кнопка с сосредоточенным видом копается у себя в рюкзаке, пока Захар украдкой рассматривает миниатюрную фигурку моей не в меру энергичной медсестры. И мне почему-то хочется отвесить другу подзатыльник.

– И часто ты людей калечишь? – киваю на перекочевавшие в руки девчонки перекись водорода и вату и никак не ожидаю услышать звонкое.

– Чаше, чем хотелось бы.

Кнопка оттесняет Лагутина в сторону и наклоняется надо мной, обдавая ароматом вкусных духов и мятной свежестью, щекочущей ноздри. И я крепче стискиваю зубы, потому что то

ли от удара, то ли от оставшегося похмелья, то ли от странной близости начинает кружиться голова. Неправильно все это.

Заботливые пальцы аккуратно порхают по моей царапине, из которой все еще сочится кровь, старательно обрабатывают кожу вокруг раны и мешают сосредоточиться на чем-то, кроме противного жжения.

– Как звать-то тебя, болезный, – девчонка отстраняется, окидывая внимательным взором результат своего труда, и довольно кивает.

– Филатов Иван. Можно просто Ваня, – смотрю в огромные голубые глаза и внезапно понимаю, что я уже не против и чая с кокосовым печеньем, и кофе с коньяком. Осталось только поскорее одеть Катю и Свету и спровадить их на такси куда им там надо. И я уже начинаю строить в отношении Кнопки грандиозные наполеоновские планы, когда она выпрямляется и картинно складывает руки на груди.

– А меня – Алена Васильева. И я очень надеюсь, что мы с тобой больше не встретимся.

Неприглядная действительность бьет обухом по черепу, и пару секунд я тупо моргаю. Потому что проще поверить в сотрясение мозга и отказавшие органы слуха, чем в то, что мое природное обаяние дало осечку. Я даже засовываю палец в ухо, пытаюсь его прочистить, но ровным счетом ничего не меняется.

– Иван, ты, конечно, контуженный и все такое, но коробку с прохода уберите, а, – катастрофа в джинсовом комбинезоне нагло топчется по остаткам моего достоинства, а я ничего не могу ей противопоставить. Остроты испарились вместе с сарказмом, находчивость также канула в лету. Видимо, удар был сильнее, чем я предполагал.

Вдвоем с Захаром мы перетаскиваем в прихожую купленный для мамы холодильник, который завтра должна забрать занимающаяся грузоперевозками фирма. После чего я иду на кухню и наливаю в стакан теплой водопроводной воды, пока перед глазами стоят острые выпирающие ключицы. Ни грудью Памелы, ни бедрами Дженнифер, ни чем-то еще примечательным новая соседка не обладает, но по какой-то неведомой моему разуму причине ее внешность западает в память. В отличие от облика сиамских близнецов Кати и Светы, которых я до сих пор путаю.

– До встречи в «Ройал», мальчики, – в мысли о сытном обеде вклинивается надоедливое щебетание, и я невольно оборачиваюсь и чуть не слепну от блеска безвкусных платяев, больше похожих на пояса от ревматизма. Приветливо улыбаюсь и старательно корчу из себя джентльмена, который никогда не скажет даме, что ее макияж поплыл и сама она – как Пьеро из знаменитого мультфильма.

– Я в «Ройал» ни ногой, – лихорадочно крестится Лагутин после ухода немного помятых цыпочек и пытается найти что-нибудь съедобное. Правда, быстро разочаровывается, обнаружив на пустых полках холодильника последнюю баночку йогурта, в которой процветает зародившаяся пару дней назад цивилизация.

– Саранча, – глубоко шумно выдыхаю, медленно вдыхаю и звоню в доставку, подчиняясь зову изголодавшегося по нормальной пище желудка.

В «Чернила» мы попадаем затемно, уничтожив пару порций солянки, сет горячих ролов и запив все это насыщенным облепиховым чаем. Минуем извивающуюся ленту очереди и направляемся напрямик к черному входу, где дежурит приятель Захара. Ловим на себе восхищенно-завистливые взгляды, купаемся в чужом липком внимании и исчезаем внутри, попутно отцепив от рукавов кожаной куртки парочку навязчивых то ли студенток, то ли школьниц, которые никак не тянут на восемнадцать.

– Что тебе принести, красавчик? – в паре метров от подсвеченного диско шаром танцпола меня ловит упакованная в черные кожаные брюки официантка. Многообещающе скользит пальцами по моей груди, томно улыбается и пытается замаскировать взмахом пушистых ресниц наглый порочный взгляд.

– Виски с колодой, – я останавливаю ее ладонь на полпути к щеке, изучаю бордовое кружево лифа, виднеющееся в глубоком треугольном вырезе, и, поставив зрелищу твердую «пятерку», добавляю: – и секс на пляже. Себе.

– Нам нельзя, – девица купает меня в фальшивом стеснении, которое может обмануть разве что девятиклассника, и через пять минут подсаживается к нам с Захаром на диван, обеими руками обнимая фужер с красно-желтой жидкостью. Медленно подцепляет дольку апельсина и отправляет оранжевое солнце в рот, облизывая покрашенные яркой помадой губы.

Как-то незаметно с виски мы переходим на самбуку, палим высокоградусный алкоголь и тушим загоревшийся буклетик с рекламой. Громко смеемся, отпускаем пошлые шутки, перекрикивая гремящую из колонок музыку. И, в общем-то, все идет хорошо ровно до того момента, как черт не дергает меня спросить.

– Как тебя зовут, солнышко?

– Лена.

Я резко отодвигаюсь на другой край дивана, прекрасно осознавая, что сейчас кажусь идиотом и Лагутину, и официантке, еще пару секунд назад млевшей под прикосновениями моих пальцев. Но стойкая ассоциация с проклятой соседкой на корню обрубает желание переводить новое знакомство в горизонтальную плоскость.

Так что я вливаю в себя еще три коктейля и без сожалений отчаливаю домой, прихватив заодно и Захара. На автомате скидываю кроссовки в угол и падаю лицом прямо в подушку, не раздеваясь. Друг приземляется рядом и через каких-то секунд пять оглашает спальню богатырским храпом, я же планирую продряхнуть до позднего обеда и никак не рассчитываю проснуться от телефонного звонка в полвосьмого.

– Филатов, это ни разу не смешно! – высокий голос Кнопки ввинчивается в уши, стучит молотком по черепной коробке, и я хочу согласиться, что последний выпуск «Камеди» полный отстой, но меня грубо перебивают резким: – ты охренел?!

Я не удивляюсь, откуда у истеричной девчонки взялся мой номер. Только сонно потягиваюсь и переворачиваюсь на другой бок, намереваясь порекомендовать ей психотерапевта, к которому меня грозились отправить Истомина. А потом вспоминаю, что мы с товарищем учудили по возвращении из клуба пару часов назад...

Глава 4

Алена

*Он такой милый! Мне всё время
хочется его придушить.*

(с) м/ф «Дарья».

– Дочь, у тебя все в порядке?

Нет, меня украли инопланетяне, покусили вампиры, и мне, наконец-то, пришло письмо из Хогвартса.

– Все хорошо, мам, – подтягиваю колени к груди и рассматриваю серебристый рисунок по краю тяжелых темно-фиолетовых штор, представляя, как на небольшой кухоньке суетится мама. Варит овсянку для Лариски, делает тосты с нутеллой для Петьки и не успевает следить за обязательно сбегавшим по средам кофе. – Что могло случиться за шесть часов, которые мы не разговаривали, учитывая, что я укладывалась спать?

– Ничего... – соглашается мамулик, судя по доносящимся из трубки звукам, ожесточенно помешивающая кашу для сестры, и грустно выдыхает: – просто я соскучилась. Вот будут у тебя свои дети...

Хочу сообщить ей, что это знаменательное событие явно произойдет не скоро, а пока я рада, что никто не стягивает с меня одеяло ночью и не щекочет пятки утром. Но проглатываю вертящиеся на языке колкости и прячу язвительность. Хоть мама иногда и перебарщивает с гиперопекой, я ее все равно очень люблю. И папу тоже, но из-за его постоянных командировок и вечных учений мы его практически не видим.

– На выходных к вам загляну, – я нажимаю отбой и на крыльях любви к новой ванной лечу осваивать все прелести европейской сантехники, на которую не поскупился прошлый хозяин. И, самое главное, никто не будет стучаться в дверь, торопить меня и требовать, чтобы я немедленно вылезла пусть и с намыленными волосами, потому что ее «ждет известный доктор философских наук».

Вот оно счастье.

Впервые за много месяцев собираюсь на пары, никуда не торопясь, жую бутерброд с сыром и врубаю ненавистного Ларе Егора Крида. Мы с ней вообще ни в чем не совпадаем: ни в музыкальных вкусах, ни в религиозных убеждениях (я отказываюсь признавать, что она Богиня), ни в гастрономических пристрастиях. От одного вида сочного прожаренного бифштекса сестру почему-то воротит. Странная она у меня.

– Голубые глаза наполнены солью. Знаю, когда-то тебя я не вспомню, – безбожно фальшивлю, подпевая звучащему из наушников треку, отпираю замок и толкаю наружу дверь. Но она приоткрывается на какие-то жалкие пять сантиметров и останавливается, упиравшись во что-то высокое прямоугольное, при более детальном рассмотрении оказывающееся коробкой с холодильником внутри. Очень знакомой коробкой с очень знакомым холодильником.

– Фила-а-атов! – вряд ли сосед из квартиры напротив слышит мой душераздирающий крик, но желание найти его, привязать веревкой к стулу и долго пытаться чугунной сковородкой зашкаливает до небес. – Баран, блин, я же в универ опоздаю!

А опаздывать мне никак нельзя, потому что позавчера в деканате я совершенно случайно опрокинула на десяток журналов учета посещения занятий студентами графин с водой. Чуть не уничтожила букет замдекана, испортила факультетское имущество и заставила краснеть

нашего рыжего старосту Кольку Горшкова. И сегодня должна была возместить причиненный вузу ущерб до начала потоковой лекции.

– Вот засада, а.

Надсадно надрывается в заднем кармане голубых облегающих джинсов мобильник, в наушниках по-прежнему поет Егор Крид, я же наивно пытаюсь протиснуться в образовавшийся между стеной и коробкой проем. Убеждаюсь, что я ни разу не женщина-кошка и ни на йоту не женщина-змея, делаю шаг назад и наступаю на сложенный пополам листок. Разворачиваю слегка помятую бумажку и в тридцать первый раз за это короткое утро мечтаю убить своего несносного соседа. Потому что его фантазии хватило на то, чтобы накорябать надпись подобного содержания: «Муж на час – 8-938-***-**-***».

Трубку эта ошибка эволюции берет не сразу, изрядно потрепав мои и так измочаленные нервы, бурчит что-то неразборчивое в ответ на ворох претензий, приправленных непечатными конструкциями, и отключается. Чтобы материализоваться в общем коридоре между нашими квартирами через пятнадцать длинных минут.

– Ванечка, миленький, выпусти меня поскорее, пожалуйста, – выбираю самый любезный тон из своего арсенала и вступаю в сговор с гордостью, обещая ей, что мы обязательно отомстим. Чуть позже. А сейчас нужно побыть милой и вежливой девочкой. Совсем недолго.

– А что мне за это будет?

– Торт шоколадный хочешь? – спрашиваю вполне любезно и радуюсь, что Филатов не видит, с какой силой мои ногти впиваются в ладони.

– Конечно, хочу!

Спустя секунд десять моему взору предстают два заспанных бравых молодца, пришедших на помощь попавшей в беду девице. Только кольчугу свою богатыри где-то забыли и теперь совершенно бессовестно светят обнаженными торсами. И я даже на пару мгновений засматриваюсь на кубики пресса и косые мышцы Ванькиного плоского живота, гипнотизирую родинку ниже пупка и только потом вспоминаю, зачем мы все здесь собрались.

– Спасибо, – я закрываю квартиру и заключаю соседа в благодарные объятия, которые ему, если судить по перебравшимся на мою поясницу пальцам, нравятся.

Задерживаю дыхание, боясь спалиться, и все-таки вытаскиваю торчащие из его кармана ключи. С притворным разочарованием отлипаю от мускулистого каменного туловища, шлю застывшим парням воздушный поцелуй и с грохотом захлопываю дверь чужого жилища ногой, обутой в черный замшевый балеток. Срываюсь с места со скоростью выпущенной из пистолета пули и с колотящимся сердцем заскакиваю в лифт под аккомпанемент оглушающего.

– Васи-и-ильева!

Лихорадочно тычу в кнопку первого этажа и чувствую, как от страха потеют ладони. Потому что за время, пока съезжаются металлические створки, мой полуголый сосед успевает отмереть, оценить масштаб устроенной подставки и помчаться за мной вдогонку. Сердце норвит пробить грудную клетку, внезапно просыпается никогда не существовавшая у меня боязнь замкнутого пространства, но фортуна сегодня явно не на стороне вредных верзил. Двери захлопываются прямо перед носом у злющего, как тетя Ника на диете, Филатова, и я облегченно приваливаюсь к стене.

– Он ведь первый начал, правда? – шепчу успокоительную мантру себе под нос и бросаю на дно сумки связку чужих ключей со странным брелоком в форме серебряного черепа с розовым бантиком. И знать не хочу, где он его достал.

Доезжаю до первого этажа в блаженном одиночестве, приветливо киваю вахтерше и быстрым шагом, больше похожим на бег, пересекаю холл. Миную дворовую территорию, как будто сдаю стометровку суровому физруку в школе, и вылетаю на проспект, словно за мной гонится голодный питбуль. Притормаживаю у остановки и от нетерпения постукиваю мыском запылившихся балеток по взбугрившемуся асфальту. Оглядываюсь по сторонам, как начинающий

воришка в супермаркете, и готовлюсь выть от разочарования, потому что на горизонте ни одной нужной маршрутки.

И, пока я пытаюсь запустить зависшее приложение и вызвать такси, рядом паркуется тойота серебристого цвета. Боковое стекло бесшумно опускается, и я встречаюсь взглядом с широко улыбающимся светловолосым парнем.

– Куда тебя подвезти? Запрыгивай! – от него веет доверием, а в изумрудных глазах как будто отражается зелень деревьев за моей спиной, и я ныряю в радующий идеальной чистотой салон, поддавшись уговорам интуиции.

– На Ставропольскую.

Глава 5

Алена

*Моя удача тоже, конечно, та ещё дура.
Вся в меня.*

(с) «Неуловимый Хабба Хэн», Макс Фрай.

– На третьем курсе учишься, да? – новый знакомый Миша ведет машину очень аккуратно: притормаживает перед пешеходными переходами, не пытается проскочить перекресток на желтый сигнал светофора и никого не подрезает. И сам он такой ухоженный, приглаженный и правильный, что мне становится неловко за свой не идеальный внешний вид. За пыль, неровным слоем осевшую на черных балетках, за невыглаженную синюю футболку с цифрой семь на груди и за небольшое масляное пятно, не оттирающееся с рюкзака.

– Ага, – согласно киваю и не спешу сообщать студенту первого курса магистратуры, что мы с ним, скорее всего, ровесники.

– Странно, что мы с тобой не встречались раньше, – смешно морщит лоб Мельников, пока я продолжаю молчать, как партизан на допросе, и рассматриваю сквозь тонированное стекло проносившийся пейзаж.

– Ничего странного, у нас деканаты на разных этажах.

А еще весь прошлый год я работала и совсем не появлялась в универе.

Но этого вслух я не произношу, остро переживая все прелести комплекса троечницы рядом с отличником. Я уверена, что у Михаила дома все книги расставлены по алфавиту, а вещи в шкафу разложены стопочками в зависимости от цвета. И это немного нервирует.

Я рассеянно изучаю его серое поло с характерным крокодильчиком на левой груди, скольжу взглядом по серебристому корпусу стильных часов с кожаным ремешком, когда мы подъезжаем к зданию нашей альма матер.

– Попьем кофе на большом перерыве? – джентльмен до мозга костей, Мельников спешит обогнуть тойоту и открыть передо мной дверь. И мне не остается ничего другого, кроме как вложить руку в его широкую теплую ладонь. Прикосновение дискомфорта не вызывает, но и эйфории тоже, так что я тороплюсь скорее закончить с этим политесом, выбраться наружу и переместить пальцы на лямки рюкзака.

– Окей, – отказать новому знакомому кажется невежливым, особенно после того как он меня выручил и практически вырвал из лап разъяренного соседа. И совместный обед вряд ли большая за это плата.

Настроение выправляется, грядущий раунд противостояния с Филатовым приятно греет кровь, и я вприпрыжку скачу к крыльцу, беззаботно насвистывая незатейливый мотивчик. Запрыгиваю на первую ступеньку, замечаю в толпе студиров вихрастый рыжий затылок и резко останавливаюсь, как будто наткнувшись на невидимую преграду. Снимаю с плеч рюкзак, начинаю в нем лихорадочно копать и, не найдя искомого, стараюсь слиться с окружающей обстановкой. Только поздно. Староста успел увидеть мою мечущуюся тушку и теперь явно жаждет крови.

– Васильева, стоять! – долговязый Колька возвышается над нашими невысокими одногруппниками, и мне тоже приходится смотреть на него снизу вверх, задрвав высоко голову. Терпеть не могу это его превосходство – мышцы шеи быстро устают и затекают.

– Что, Васильева? – я переминаюсь с ноги на ногу, проваливаю попытку сбежать от вездесущего Горшкова и делаю жадный глубокий вдох, как перед прыжком в прорубь. – Не шалю, никого не трогаю, примус починаю.

– Журналы где?

– Колюнь, тут такое дело, – не знаю, как в двух словах объяснить причину моего опоздания и чем оправдать забывчивость, так что замолкаю, покачиваясь с носков на пятки и обратно. И подозреваю, что с моим везением наладить контакты и в этой группе не удастся.

– Васильева, – поток очередных возмущений Горшкова опережает куратор. Спортивная и подтянутая, немногим старше меня, Кольцова Ангелина Сергеевна с легкостью оттесняет в сторону старосту и манит меня аккуратным тонким пальчиком, параллельно отмахиваясь от заглядывающего ей через плечо старшекурсника. – За мной шагом марш.

Я не удерживаюсь от того, чтобы показать рыжему язык – все равно мирного сосуществования у нас не выйдет. Рано или поздно мой вредный характер проявит себя, а умение влипнуть в неприятности испортит то, что не успею испортить я. Так что нет смысла строить из себя безобидный одуванчик, если ты – венерина мухоловка.

Мы поднимаемся на третий этаж, минуем группку штудирующих конспекты первокурсниц и заходим в святая святых Кольцовой – крохотный захламленный кабинет, доставшийся ей в наследство от прошлого руководителя студии современного танца вместе с ворохом приятных и не очень обязанностей.

– Кофе будешь? – с Ангелиной мы случайно познакомились в клубе, взорвали танцпол и изрядно опустошили запасы моего приятеля-бармена, и с тех самых пор к вежливому обращению на вы так и не вернулись.

– Давай, – справедливо решаю, что лучше сидеть здесь с куратором и цедить растворимый суррогат, чем скучать на невероятно нудной лекции по психологии. Тем более, что можно совместить приятное с полезным: – а что там с моим заявлением за свободное посещение?

– Декан отказывается подписывать. В учебе ты не блещешь, в профкоме не состоишь, студсовет обходишь десятой дорогой, – неопределенно разводит руками Кольцова и, залив «Нескафе» кипятком, подвигает ко мне кружку с изображением Петербурга. – Я попробую его переубедить, но тебе придется выступить на концерте ко дню первокурсника. И репетиции посещать тоже придется.

– Ну, Лина-а-а! – перспектива такого вопиющего убийства собственного времени расстраивает. Безусловно, я умею и люблю танцевать, но совсем не горю желанием дергаться на сцене в балетной пачке или балахоне вместе с такими же штрафниками-неудачниками.

– По-другому никак, – отрезает Кольцова, качая головой, и мне приходится пообещать ей договориться с культоргом, записаться в нужную секцию и не пропускать занятия. Потому что очень уж хочется получить заветную подпись, устроиться на подработку и прогуливать пары с чистым сердцем.

– Спасибо, – нехотя бурчу себе под нос и тянусь к небольшой хрустальной вазочке с бело-розовым зефиром. Съедаю три воздушных облака под пристально-изумленным взглядом куратора и мычу с набитым ртом: – фто?

– Попробуй с ребятами подружиться, а.

Не собираюсь расстраивать Ангелину и открывать ей глаза на невозможность подобной перспективы и, пробыв в гостеприимном кабинете еще полтора часа, ретируюсь. Нагло откладывая беседу с культоргом на завтра, а еще лучше на послезавтра, под монотонные причитания реквизирую у Горшкова его лекции и спускаюсь на первый этаж.

Перед главным входом как всегда многолюдно: слева от крыльца курят парни, мешают пройти сгрудившиеся в центре двора и обсуждающие ногти-брови-ресницы девчонки, а целующиеся на лавочках влюбленные вызывают легкое несварение своей ванилью. В общем, я делаю

глубокий вдох и приподнимаюсь на цыпочки, пытаюсь обнаружить в толпе Мельникова, который пообещал меня забрать.

– Алена! – Миша стоит у обочины, прислонившись к отполированному боку серебристого автомобиля, и широко улыбается. Его волосы по-прежнему идеально уложены, наполовину одного залама, а на темно-коричневых туфлях совсем нет пыли. Правда, это упущение быстро устраняет мотоциклист, закладывающий крутой вираж и притормаживающий сантиметрах в двадцати от Мельникова и его Тойоты.

Мне в спину летят многочисленные восхищенные вздохи девчонок, отвлекшихся от разбора модных тенденций и переключивших все свое внимание на байкера. Признаться, я и сама залипаю на широких плечах неизвестного парня, из любви к искусству рассматриваю крутые крепкие бедра и отдаю должное потертым кожаным штанам. Ровно до того момента, как нарушитель всеобщего спокойствия снимает с головы шлем и балаклаву и старается пригладить торчащие в беспорядке волнистые темно-каштановые волосы.

– Васильева! – вполне дружелюбно машет сосед, а у меня сердце ухает в пятки, потому что я не знаю, как сказать, что утопила ключи от его квартиры в унитазах. И что-то я очень сомневаюсь, что Филатов поверит в то, что уронила я их по нелепой случайности, пытаюсь одновременно достать со дна сумки влажные салфетки и зачем-то ответить на мамин звонок.

Глава 6

Иван

*Ничто так не подогревает интерес мужчин,
как соперничество.*

(с) к/ф «Тема для разговора».

– Значит, вас двоих уделала одна хрупкая миниатюрная девчонка. Я все правильно понял? – усмехается Феликс, копаясь в моем замке, и я уже жалею, что позвонил товарищу. Потому что пинков за неполных два дня мое самолюбие получило больше, чем достаточно. – Что-то ты теряешь хватку, бро.

– Да мы просто сонные были, – оправдываюсь перед приятелем под сдавленное хихиканье Захара и отвешиваю последнему подзатыльник, отводя душу и хоть немного сбрасывая накопившееся напряжение. Ситуация с Кнопкой бесит от ее абсурдного начала и до конца.

– Айш! За что?

– Было бы за что, уже убил бы, – сую под нос возмущающемуся Лагутину кулак и ныряю в недра моей распахнувшей двери квартиры.

Засовываю голову под ледяной душ, пока парни нагло потешаются надо мной в коридоре, и пытаюсь сосредоточиться на чем-то, кроме маниакального желания отшлепать Васильеву. Не выходит. Сотни вариантов кровавого и не очень отмщения теснятся в мозгу, а дьяволенок на левом плече скорешился с ангелом с правого, и теперь они оба подталкивают меня к выходу. Впихивают в руки ключи от ямахи, снимают с вешалки шлем и заставляют рычать на иронично вздернувшего бровь Феликса.

– Так сложно не быть центром чьего-то внимания, а, Фил? – как сквозь вату, доносится до моего слуха, но я уже одержим вредной целью с густыми волнистыми светло-русыми волосами и хочу поскорее добраться до подземной парковки. А спарринг с Захаром можно и до завтра отложить.

В миг, когда вывожу байк из гаража, я совсем не думаю о последствиях. Так же, как и не думаю о том, что буду говорить Кнопке, когда ее найду. Я лишь наслаждаюсь порывом ветра, щекочущем шею, пью энергию суетящегося и куда-то спешащего города и лихо втискиваюсь в не слишком широкий просвет между белым мерседесом и ядовито-зеленым камаро. Готов поспорить, их владельцы, застрявшие в полуторачасовой пробке, сейчас нехило меня матерят.

Поддавшись кипящему внутри азарту, едва не проскакиваю нужный поворот, закладывая крутой вираж и приближаюсь к невысокой серой оградке, за которой раскинулась тенистая аллея, а дальше – знакомое пятиэтажное здание, не вызывающее ностальгии. В универе я появлялся редко, временами ради развлечения взламывал компьютер куратора или кого-то из преподавателей и менял безобидные обои с тигрятами на обнаженную Сашу Грей. А иногда скачивал ответы на контрольную и, подобно благородному разбойнику, раздавал их всему потоку.

В общем, немудрено, что в день моего выпуска фанатично крестились все: и грузный декан с пивным брюшком, и его рыжая помощница с дергающимся глазом и даже непробиваемая заместитель в синем костюме в белую полоску. А проректор по воспитательной работе подозрительно часто прикладывалась к пахнувшей то ли настойкой, то ли алкоголем фляжке. Зайти к ним, что ли?

Смакую шальную мысль пару секунд и, не слишком хорошо рассчитав тормозной путь, обдаю мнущегося у обочины парня фонтаном пыли. Игнорирую его красноречивое сопение,

стекаю с ямахи и неторопливо стягиваю сначала шлем, а потом и балаклаву под оживленные шепотки группы студенток, стоящих неподалеку. Дай волю, вон та рыженькая с завитыми локонами и красными губами вообще бы меня облизала.

Чувствую себя как рыба в воде в их липком, немного навязчивом внимании и лишний раз убеждаюсь, что месяцы, проведенные в спортзале потрачены не зря. Девчонки охотнее западают на широкие плечи и рельефные руки, чем на мозги.

– Васильева! – чтобы выхватить из толпы знакомую фигурку, приходится как следует напрячься, потому что из-за небольшого роста, отсутствия каблучков и броского макияжа Алена теряется среди более эффектных сокурсниц. Но сейчас мне нужна именно она.

Растеряв всю внутреннюю браваду, девушка не слишком уверенно прокладывает путь между странным увальнем в широкой черной толстовке и с битой, торчащей из рюкзака, и высокой худощавой брюнеткой, что-то ему втирающей. Васильева останавливается в паре метров от меня, не спешит сокращать дистанцию, буравя глазами дыру в неровном асфальте, и беспокойно теребит лямку ранца и прикрепленный к ней значок с изображением университета, по которому я ее и нашел.

– Алена, ты его знаешь? – внезапно подает голос блондин рядом с нами, и теперь я начинаю изучать его пристальной. И чем больше я смотрю на этого гладкого, безупречно одетого мальчика, тем больше он мне не нравится. Из таких обычно выходят отменные маньяки и психопаты, вроде Анатолия Сливко или Теда Банди.

– Да, Миш, этой мой сосед, – с видом приговоренного к казни вздыхает Кнопка, за что мне снова хочется ее отшлепать, и я следую своему любимому девизу: «Импровизация – наше все».

– И нам ехать пора. Ты дядь Жору с двенадцатого топишь!

Моя ложь срабатывает магическим образом: Аленка не сопротивляется, когда я упаковываю ее в мотоциклетный шлем и опускаю визор, послушно вскарабкивается на ямаху и пристраивает ладони у меня на талии. И бросает мальчика Мишу изумленно открывать-закрывать рот рядом с такой же невыразительной тачкой, как и он сам.

Тепло от пальцев Кнопки просачивается даже сквозь мою футболку, и я забываю сказать ей, что руки лучше держать на баке. Не гоню и не лихачу, потому что я, хоть и тот еще debil, но несу ответственность за чужую жизнь. А быть раскатанным по тротуару уставшим водителем какой-нибудь фуры вряд ли предел моих мечтаний.

Медленно, если учитывать мою нормальную скорость, проезжаю по главным улицам и испытываю легкую эйфорию от победы в мальчишеском противостоянии. Пусть, и нечестной. Странно все-таки на меня влияет эта мелкая.

Небо незаметно наливается свинцовыми тучами, начинает накрапывать теплый бисерный дождь, заставляющий Алену прижаться теснее прижаться к моей спине. И аромат ее духов снова забивается в ноздри и дезориентирует так, что на второй план отходит тот факт, что еще полчаса назад я хотел проучить вредную девчонку.

Когда мы въезжаем во двор, дождь превращается в ливень, забирается за воротник и пропитывает влагой наши футболки. Не глядя под ноги, я шлепаю напрямиком в лужу и зачерпываю кроссовками воду, помогаю Васильевой снять шлем и слезть и аккуратно ставлю ее на бордюр. После чего делаю пару шагов назад и, иронично изогнув бровь, сообщаю.

– Расслабься, Кнопка, никого ты не топишь. Я пошутил.

– Ну, и гад же ты, Филатов! – соседка замахивается на меня, но на полпути останавливает движение и резко прижимает рюкзак к груди, видимо, вспомнив, что внутри есть что-то ценное-хрупкое. А я не сдерживаю издевательского смешка, бьющего по ее нервам.

– Все честно, Кнопка. Ты испортила мне утро, я тебе – свидание.

По сведенным к переносице бровям и сжавшимся в тонкую линию губам Васильевой понимаю, что самое время линять, пока ветер без камней и ей под руку не попался кирпич

или садовая лопата. Напоследок шелкаю замершую девчонку по носу и почти скрываюсь в подъезде, когда до меня доносится торжествующее.

– А я ключи твои смыла! В унитаз!

Плевать, у меня есть запасные. И этот раунд за мной.

Глава 7

Алена

*В конце каждого семестра наступает время,
когда преподаватель может проучить,
отомстить и публично унижить –
«сессия» называется!*

(с) к/ф «Универ».

– Ну, что ж вы опаздываете, голубушка? – седой профессор рассеянным жестом поправляет съехавшие на нос очки и изучает мою запыхавшуюся тушку так, как будто к нему в аудиторию ворвалась не простая студентка, а целая ведьма, проспавшая шабаш.

– Извините, Яков Григорьевич, – выдавливаю из себя наиболее дружелюбную улыбку, на которую я только способна, и пытаюсь пригладить кудрявящиеся от уличной влажности волосы.

– Быть может, сломалась маршрутка, на которой вы добирались в университет, и водитель никак не мог устранить неполадку? – Белоусов смотрит на меня с надеждой, но я лишь неопределенно пожимаю плечами, застыв на пороге.

– Не-а, – грустно вздыхаю и не решаюсь озвучить правду при всем потоке. Вряд ли преподаватель сочтет низкий интеллектуальный уровень моего соседа и тот факт, что он опять забаррикадировал дверь моей квартиры, уважительной причиной.

– Возможно, у вас болеет бабушка, и вы были у нее в больнице? Опять нет? – отрицательно машу головой и, смирившись со своей участью, наблюдаю, как Яков Григорьевич рисует что-то у себя в журнале. – Значит, вы не будете против дополнительного билета на экзамене. Проходите, Васильева.

Староста выразительно стучит по макушке, намекая на отсутствие у меня мозгов, злобно ухмыляется культорг, я же стараюсь слиться с окружающей обстановкой и больше не отвечивать. Правда, это несколько затруднительно, когда тебе необходимо дотащиться до галерки и протиснуться к окну. Потому что только там есть свободное место.

Я прилежно конспектирую лекцию, исправно заношу в тетрадь термины и какие-то цифры, и в очередной раз понимаю, что финансы и кредит – это совсем не мое. Бросить вызывающую зевоту специальность мешает только данное стгоряча родителям обещание получить диплом. Монотонная речь Белоусова, по обыкновению, нагоняет сон, и я прикладываю поистине титанические усилия, чтобы нагло не захрапеть на неудобном деревянном столе, который сейчас кажется мягче пуховой перины. А еще я до сих пор злюсь на соседа за перспективу отправиться на пересдачу из-за его дурацких шуточек, поэтому, выудив телефон из рюкзака, не глядя отбиваю краткое, но достаточно емкое послание.

«Филатов, ты – урод!»

Мобильник вибрирует в ладони спустя секунд десять, и я смахиваю с экрана любезный ответ со смайликом-чертенком в конце.

«И тебе хорошего дня, Кнопка».

С энтузиазмом великомученицы досиживаю пару, терпеливо дожидаясь, пока основная масса народа схлынет, кто в библиотеку, кто в столовку, и спускаюсь вниз, к первой парте. Где святая троица из старосты, культорга и профорга строят планы по захвату мирового господства и прославлению нашей отдельно взятой альма матер.

– Злат, меня Кольцова к тебе послала, – рыжая нехотя ставит на паузу видео какого-то творческого номера и рассматривает меня, как рачительная хозяйка – заведшегося на кухне таракана. Брезгливо и с глухим раздражением.

– И че ты от меня хочешь? – в зеленых глазах Шанской плещется глубокая неприязнь, заставляющая недоумевать. Неужели она так сильно обиделась на то, что я испортила ее бело-снежный спортивный костюм? В конце концов, я же не специально опрокинула на него стакан вишневого сока и шоколадное пирожное, а.

– Чтобы ты записала меня в список выступающих и скинула график репетиций, – вежливо проговариваю по слогам, вонзив ногти в ладони, и притворяюсь, что не прокручиваю в голове повторение сюжета с соком и брауни.

– Ща, Васильева, все дела отложу, шнурки поглажу, – рыжая замолкает на некоторое время и, выдержав театральную паузу, произносит с деланным равнодушием: – хотя... я могу изменить свое мнение. Если ты познакомишь меня с красавчиком, который забирал тебя вчера.

Не могу объяснить почему, но Златкино предложение встречает стойкое неприятие, отзываясь слепящим гневом внутри. И нет, мне не нравится ни мой вредный сосед, ни его черный с желтым байк, ни живущая отдельной жизнью, иронично изгибающаяся бровь. Просто я терпеть не могу, когда меня пытаются прессовать и так вот нахально шантажировать. Сегодня Шанская просит Филатова, завтра захочет готовый курсач, а послезавтра – деньги?

Тихо выдыхаю, отдавая себе отчет, что отношения с сокурсниками и в этой группе у меня не сложились и не сложатся, и задираю подбородок выше. Набираю полные легкие воздуха и с высокомерной улыбкой выпаливаю.

– Заканчивай этот спектакль. Ты не хуже меня знаешь, что Кольцова с тебя скальп снимет, если меня не будет на концерте, – раз приятелями с местной элитой мне все равно не быть, почему не воспользоваться имеющимися с куратором связями?

И, пока Злата что-то сосредоточенно просчитывает у себя в уме, я перекидываю через плечо висевший до этого в руке рюкзак и направляюсь к выходу из аудитории. Слыша доносящийся вслед громкий визг, непечатную матерную конструкцию и оглушительный звон.

– Васильева! – оборачиваюсь, чтобы рассмотреть лежащий экраном вниз мобильный Шанской, и начинаю нервно хихикать, подозревая, что он не пережил столкновения с моим везением.

– Расписание репетиций прислать не забудь, а деньги за стекло я тебе на карту скину.

Оставив одноклассников дезориентированными и слегка ошалевшими от подобного финта, я шмыгаю за дверь и устало приваливаюсь к стене. Я умею порхать от столика к столику, разнося заказы по двенадцать часов в смену, умею смешивать коктейли с завязанными глазами и знаю пять рецептов, как приготовить идеальный шоколад. Но я совершенно не могу приспособиться к простым будням в обычном университете.

Спохватившись, что Шанская с Горшковым могут отмереть и потребовать у меня немедленного расчета или еще чего на благо факультета, я отлипаю от прохладной поверхности и быстрым шагом удаляюсь от злополучного кабинета, никак не ожидая столкнуться с Мишей на выходе из корпуса.

Сегодня парень одет в нежно-голубой джемпер с неглубоким треугольным вырезом и светло-серые брюки из плотной ткани. На его ансамбле по-прежнему ни единой складки или микроскопического пятнышка, а кеды сияют такой невыносимой белизной, что мне хочется выпросить у их хозяина, как он умудряется ходить по нашим дорогам и их не пачкать. А еще в руках у Мельникова два стаканчика с умопомрачительно пахнущим латте, от которого мой желудок начинает громко, некультурно урчать.

– Держи, – Миша смеется, передавая причитающийся мне кофе, поправляет и без того идеально уложенные набок волосы и предлагает: – пройдемся?

Я поднимаю голову и недолго изучаю ярко-голубое безоблачное, шурю от теплого осеннего солнца и не нахожу ни единого повода, по которому стоило бы отказать Мельникову в прогулке. Я согласно киваю, пытаюсь не обжечься горячим латте, и неторопливо бреду по аллее, пиная носками кед немногочисленные желтые листья, устилающие асфальт. Говорить ни о чем не хочется, хочется вот так идти в никуда, испытывая редкое умиротворение, но мой попутчик явно другого мнения.

– Как там дядь Жора? – видимо, ступор красными буквами написан у меня на лбу, поэтому Мише приходится уточнять: – твой сосед с двенадцатого этажа.

– Все нормально, никакой там был не потоп. Всего лишь маленькая протечка, – зачем-то выгораживаю балбеса-Ивана и резко меняю тему: – а ты что около нашего корпуса делал? У вас же в другом пары.

– Случайно мимо проходил.

– И два кофе случайно купил? – журю заливающегося краской Мельникова и не совсем понимаю, почему не сказать честно, что посмотрел мое расписание и караулил, когда я освобожусь.

Неясные подозрения скребутся где-то на задворках сознания, но я не обращаю на них внимания, потому что гулять с Мишей комфортно. А еще рядом с этим парнем у меня не просыпается навязчивое желание огреть его чем-то тяжелым по затылку, в отличие от того же Филатова.

Глава 8

Иван

– У меня есть шестое чувство.

– Мозгов у тебя нет!

(с) к/ф «Сплетница».

В клуб к Вронскому Николаю Григорьевичу меня еще пацаном привел брат. Тогда мы тренировались в плохо освещенном полуподвальном помещении, где с трудом помещались все желающие. Но никто не жаловался. Ходили исправно, советы наставника слушали с открытым ртом и выжимали из себя все возможное и невозможное, чтобы попасть на соревнования и в бескомпромиссной борьбе получить медаль. Клевые были времена...

– Филатов, в пару с Волковым, – вынырываю из теплых воспоминаний, когда в уши врежется суровый властный окрик Вронского, пот льется градом по моему лицу, а сердце лихорадочно стучит в рваном ритме после поистине адской разминки.

– А можно я с Лагутиным встану? – вытираю лоб тыльной стороной ладони и жалобно кошусь на тренера, который в свои пятьдесят с хвостиком даст фору любому из нас. Даже несмотря на то, что седина давно посеребрила его виски, а некогда травмированное колено частенько похрустывает.

– Нет, – безапелляционно отрезает Григорич и подмигивает мне, пряча улыбку в уголках обветренных губ.

Сашка – самый неудобный для меня соперник, и наставник прекрасно об этом осведомлен. К тому же, наш спарринг – отличная возможность напомнить, как плохо на организме сказываются пропущенные тренировки.

Ныряю под канаты и встречаюсь взглядом с довольно скалящимся Волковым, сгорающим от нетерпения надрать мне зад. Совместная жизнь с Лизой если и повлияла на него, то точно не внешне: нигде не видно лишних килограммов от домашних пирожков с мясом, и так же отчетливо выделяются кубики рельефного пресса. К тому же, товарищ, не в пример мне, явно посещал спортзал регулярно. Потому что тушку одного айтишника, в прошлом – администратора, он гоняет по рингу с каким-то садистским удовольствием.

Дыхалка отказывается со мной сотрудничать после второй минуты боя, и я останавливаюсь, упираясь руками в колени и совсем не мужественно сиплю.

– Хорош, Волк! Не могу больше.

– Учись, пока я живой, – ухмыляется Саня, по-дружески хлопая меня по спине, а я думаю, что со стремительно падающей самооценкой надо что-то делать.

Договариваюсь с Григоричем, что буду заскакивать к нему минимум два раза в неделю, и невольно зависаю у стола администратора на выходе, заметив аппетитные формы брюнетки, втиснутые в классический черный костюм-тройку.

– А первую помощь такая красавица умеет оказывать? – картинно хватаюсь за сердце и начинаю медленно заваливаться на стойку, уверенный, что безотказный трюк обязательно сработает. Но зря.

– А первую помощь тебе ее муж окажет, – неизвестно откуда материализовавшийся Волков ловит меня за шиворот и волочет за собой, бросая через плечо: – не обращай внимания на этого клоуна, Зой.

– Волк, такой подкат испортил, – я бурчу вполголоса, стоит за нами захлопнуться двери в раздевалку, хотя в глубине души благодарен приятелю. Портить отношения с Вронским и слушать зубодробительную нотацию из-за подобной выходки не хочется.

Наспех обтираюсь влажным полотенцем, пока Саня плещется в душе, избавляюсь от мокрых насквозь футболки и шорт и переодеваюсь в сухое. А перед глазами стоит огромный бургер из булочки с кунжутом, двух сочных говяжьих котлет, прямоугольника плавленого сыра и соуса-гриль. Надо было все-таки нормально позавтракать с утра.

Памятуя о провале с соседкой и не слишком удачном знакомстве с администратором Зоей, подхожу к зеркалу и долго изучаю свое отражение. Все тот же широкий лоб, чуть заостренный нос, нормальные для мужика губы и в меру накаченное, тренированное тело. И что Кнопке не нравится?

– Пошли, нарцисс, Лиза обещала и тебя накормить, – успевший искупаться и уже даже собратиться Волков стоит у меня за спиной с черно-оранжевой сумкой наперевес и что-то увлеченно набирает на своем айфоне последней модели. А мне покоя не дает свербящий в мозгу вопрос.

– Сань, вот скажи, я тебя моложе на пять лет, должен быть сильнее и выносливей, почему ты все время выигрываешь?

– Потому что не зависаю в клубах до пяти утра. Если и пью, то качественный алкоголь. А еще женщина у меня одна, посему нет нужды прятаться от нее в туалете, – намекает на приключившийся со мной в «Кабриолете» случай Волк и, не сдерживая издевательского смеха, выходит в коридор.

Проблема в тусах и телках? Да ну, бред.

Догоняю товарища уже на улице и занимаю переднее пассажирское сиденье, до сих пор мысленно прокручивая Сашкины доводы. Если он успел нагуляться к своему тридцатнику, то я точно пока не готов остепениться и сложить драгоценную свободу на алтарь брака. Кажется глупым из пестрого изобилия выбирать что-то одно, отказываясь от множества деликатесов.

До территории закрытого жилого комплекса с современной спортивной площадкой, широкой ухоженной аллеей с аккуратными скамеечками и вместительной подземной парковкой мы доезжаем в тишине, за что я благодарен Волкову. Пусть друг и решил повесить хомут на шею, по крайней мере, он не агитирует нас вступить в ряды женатиков.

В таком же комфортном молчании мы поднимаемся на нужный этаж, Саня отпирает ключом дверь и пропускает меня внутрь. Я же утыкаюсь взглядом в знакомые бело-розовые кеды с веселой черепушкой на боку и не замечаю, как ускоряется пульс.

– Кнопка?! А ты что здесь... – закончить фразу я банально не успеваю, потому что обладающая завидной меткостью соседка молниеносно реагирует на мое появление. И теперь у меня на лице висит влажное банное полотенце, мешающее не только обзору, но и нахально забирающееся в рот.

– Лиза-а-а! Ты знакома с этим террористом?! – стащив со лба тяжелую махровую ткань, я начинаю тонуть в сияющих гневным блеском озерах и, как обычно в Аленкином присутствии, перестаю себя контролировать.

– Мелкая! А ты мне еще торт должна. Шоколадный.

Я счастливо улыбаюсь непонятно чему, игнорируя негромкое Сашкино «идиот», и нещадно торможу, хотя обострившиеся инстинкты вопят, что нужно драпать, пока Васильева не опомнилась и не запустила в меня чем-то более тяжелым, вроде стоящего на тумбочке ажурного светильника. Но я упорно продолжаю балансировать на натянувшемся канате чужих нервов: посылаю соседке воздушный поцелуй и только после этого вылетаю в общий коридор.

Правда, резко останавливаюсь, осененный гениальным вопросом. Ну, и что такого двухметровому верзиле может сделать хрупкая девушка, едва достающая ему до плеча? Пусть даже у нее в активе металлическая ложка для обуви с изогнутым наконечником.

Приготовившаяся к изнурительному марафону Кнопка пулей выскакивает вслед за мной и вряд ли рассчитывает, что я так быстро сдамся. Спотыкается, теряет равновесие и, смешно размахивая руками, врезается мне в грудь. Глубоко осторожно вдыхает, как будто пробуя на вкус мой парфюм, и приподнимает подбородок, снова топя меня в этой гипнотической синеве.

– Филатов, вот скажи честно, – смотрит на меня так кротно, что я готов ей признаться в том, что позавчера на спор хакнул базу одного крупного банка, а потом портит все очарование язвительным: – ты и дня прожить не можешь, если не вытворишь какую-нибудь пакость?

– Могу. Но не хочу, – бездумно цепляю прядь ее русых с медным отливом волос и, насладившись гладким шелком, убираю локон за маленькое ухо. И плевать я хотел на то, что Кнопка недовольно сопит и шумно, прерывисто дышит.

– А если я испеку этот чертов пирог, отстанешь? – предварительно скрестив пальцы за спиной, я утвердительно киваю, заставляя Васильеву облегченно выдохнуть и преждевременно расслабиться.

Глава 9

Алена

Музыка объединяет всех, кроме соседей.

(с) Константин Мелихан.

Мы сидим за овальным столом на светлой кухне Лизиного мужчины, пробуем политые гранатовым соусом отбивные, и я до сих пор не могу взять в толк, как Филатову удалось уговорить мою тушку остаться на ужин. Учитывая, что дома у меня бедлам, рядом с уборкой и конь не валялся, прихватизированные у старосты конспекты до сих пор пылятся нетронутые и не переписанные, а гибискус тети Ники того и гляди загнетса, потому что я упорно забываю его поливать.

Сосед, на удивление, ведет себя пристойно: не издевается, не подтрунивает и никоим образом не пытается меня задеть. И, уж тем более, не вспоминает о треклятом холодильнике, побывавшем на моем коврикe целых три раза до того, как его увезли бугаи из службы доставки. Которых я была готова обнять и расцеловать в обе щеки за возможность без опоздания приходить в универ.

– А вообще, Ванька в средней школе дохлый был. Худющий, как шпала, – на какое-то время отрывается от вождельного стейка Волков, чтобы поделиться со мной секретами своего семафорящего друга. – И девчонки на него внимания не обращали. Совсем.

– Ну, Волк, – Иван обиженно закусывает нижнюю губу, пытаясь воззвать к Сашкиной совести, но та то ли спит беспробудным сном, то ли отсутствует, как явление. Что меня несказанно радует. Лишняя информация в соседской войне точно не помешает.

– Это потом он в кадетку поступил, в плечах раздался...

– Но так и остался балбесом, – вмешивается в рассказ Лиза, заставляя меня давиться крепким черным чаем с бергамотом и корчиться от безудержного смеха.

– Друзья, называется, – угрюмо бурчит Филатов, с грохотом отодвигая стул, и шлепает в сторону коридора, на ходу роняя: – Кнопка, ты едешь? Я машину вызвал, засиделись уже.

Встаю из-за стола, не желая упускать возможность прокатиться на такси за чужой счет, в конце концов, на новую работу я пока не устроилась, а отложенные сбережения медленно, но верно тают, а брать в долг у родителей не хочется. Напоследок обнимаю Истому, прижимаясь щекой к ее виску, и получаю уверенное: «Будет обижать – ты знаешь кому звонить».

Но сосед сегодня бьет все рекорды кротости и адекватности: молчит в плавно скользящем лифте, не сует пипидастр в руки, не предлагает вылизать до блеска его квартиру и даже открывает двери приехавшего за нами форда. И я с трудом сдерживаюсь, чтобы не потрогать его лоб на предмет наличия температуры. Может, он вирус какой подхватил, а?

– Я вообще-то не такой придурок, как тебе могло показаться, – Иван неуклюжим движением ерошит волосы и снова замолкает, а мне прямо не терпится проверить, в какой фазе на этой неделе Луна и в каком из периодов ретроградный Меркурий.

Потому что видеть обычно уверенного в собственной неотразимости Ивана таким вот слегка растерянным непривычно, и мне приходится даже тереть глаза, чтобы убедиться, что я не попавшая в Зазеркалье Алиса.

За окном уже успело стемнеть, в салоне автомобиля сумрачно и по-особенному уютно. Негромкая спокойная песня, льющаяся из радиоприемника, не раздражает слуха, свет фонарей не пробивается сквозь тонировку и не мешает постыдно задремать в присутствии двух

посторонних людей. Кто ж виноват, что я дрыхну как сурок в любом виде транспорта, стоит ему только тронуться в путь.

– Кнопка, пора вставать. Ножками топ-топ, – будит меня Филатов, мягко, но настойчиво тормоша за плечо, так что я нехотя открываю глаза, хлопая ресницами и пытаюсь сфокусировать на Ванькином профиле замутненный взгляд.

– Изверг, – вывожу одними губами, опуская кеды на чуть влажный от дождя асфальт, и по привычке обвиняю соседа во всех смертных грехах: – из-за твоей ведь музыки вчера не выспалась.

Я поднимаюсь к себе, как ежик в тумане, в крошечной темноте стаскиваю обувь, где-то по пути оставляю одежду и без сил валюсь на кровать, надеясь выспаться во всех мыслимых и немыслимых позах. И первый раз за последнюю неделю мне это удастся – в коридоре тихо и безмолвно, а из квартиры напротив не доносится никаких звуков. Никто не стучит в барабан, не издевается над тромбоном, и даже из обычно орущего сабвуфера не гремит тяжелый металл.

В общем, поутру я встаю до будильника, отдохнувшая и цветущая, как майский ландыш – без привычных серо-синих теней под глазами и покрасневших, как у столетнего вампира, капилляров. Ну, а дальше отметка настроения и вовсе ползет вверх, когда я вспоминаю об официальном разрешении пропустить пары.

В небольшой зал с лишенным лоска щербатым паркетом и хлипким станком я вхожу одной из последних, глотая приготовленную с вечера воду с лимоном и мятой. Торможу у порога, привстаю на цыпочки и потягиваюсь, замирая от сладостного предвкушения, гуляющего в крови. Может, я и не профессионал, но занятия бальными танцами и джаз-фанком определенно оставили в моей жизни неизгладимый след. До сих пор, стоит только мелодии зазвучать, как ноги сами начинают выводить на полу какие-то движения.

– Всем привет, – я опускаюсь на шаткую скамейку в полнейшей вязкой тишине, чтобы перешнуровать кроссовки, и боковым зрением фиксирую, как стремительно отодвигается от меня сидевшая рядом брюнетка с двумя короткими косичками, из которых выбиваются кудряшки.

Понятно. И здесь гегемония Шанской.

– Что, злая тетя Злата запретила со мной общаться? – ехидно фыркаю и беспечно передергиваю плечами, испытывая легкое недоумение от детских игр в песочнице. Вот уж кто явно не обременен лишними проблемами, вроде «где взять деньги на еду на месяц вперед» и «из каких сбережений закрыть возросшую коммуналку».

Естественно, ответа на мой вопрос не следует, правда, культорг на пару секунд отвлекается от экрана планшета и, сузив змеиные чуть раскосые глаза, гневно в меня тычет.

– В последнюю линию справа вставай.

– Окей, босс, – знаю, что мой голос звучит чересчур звонко и язвительно, но никак не могу научиться втискивать себя в рамки. Боюсь, что и я на собственных похоронах привстану из гроба, чтобы сообщить собравшимся, в чем они не правы.

Под изумленные приглушенные шепотки я занимаю место в дальнем углу класса и начинаю неспешно разминать все тело, начиная от слегка одеревеневшей шеи, заканчивая многострадальным голеностопом. Складываюсь пополам и касаюсь пальцами стоп с блаженной полуулыбкой и стойкой уверенностью, что ни одна зараза не испортит мне репетицию. И, пока я планомерно разогреваю все мышцы, в зал вихрем врывается невысокая крепко сбитая блондиночка, растягивающая матово-розовые губы в кровожадном оскале инквизитора.

– Я не опоздала? Погнали?

Судя по скривившейся физиономии Шанской, хореографа она тоже не жалуется, но открыто не возмущается. Царственно машет запястьем с массивным серебряным браслетом на нем и возвращается к разговору со старостой, который сопровождает ее везде: и в деканате,

и в столовой, и на спортплощадке, где он сам не занимается из-за несуществующей болячки, нарисованной его мамой-врачом.

– Пять, шесть, семь, восемь, – громкий счет ударяет по ушам, отскакивая от стен, и дальше начинается форменная вакханалия.

Мало того что танцевальные связки далеки от банального «два притопа три прихлопа» примерно так же, как Москва – от Пекина, так я еще и пропустила несколько вводных занятий. И теперь голова пухнет от свалившейся разом информации, а впереди стоящая девчонка, у которой обе ноги левые, частично заслоняет обзор. И я с грустью думаю, что выполнить данное куратору обещание будет не так-то просто.

– На сегодня все, – прерывает наши мучения совсем не запыхавшаяся танцорша, а меня можно выжимать вместе со свободной нежно-персиковой футболкой, фиолетовыми легинсами и тугим спортивным топом. Глубоко вдыхаю, длинно выдыхаю и направляюсь в сторону выхода, когда меня ловят за запястье и разворачивают.

– Лиля, – блондинка протягивает мне свободную ладошку, игнорируя визгливое «Зорина» в исполнении Шанской.

– Алена Васильева. Можно просто Вася.

– Слушай, Вась, а тебе подработка случайно не нужна? Ты вроде неплохо двигаешься, – от неожиданного предложения сердце подпрыгивает вверх, скромная радость вытесняет сомнения, и я только и могу, что часто моргать и лихорадочно, пылко кивать.

– Очень нужна, – сбивчиво выпаливаю и начинаю гипнотизировать пол, в глубине души надеясь, что это все не глупый розыгрыш и никто не собирается поднимать меня на смех.

– Мы выступаем с развлекательным шоу. У меня подружка залетела, и скоро ей понадобится замена. Приходи послезавтра в «Чернила» на пробу.

Получив мое молчаливое согласие, Зорина демонстративно не прощается с культоргом и выскальзывает из зала, плавно покачивая бедрами. Я же намертво прилипаю кроссовками к выцветшему паркету и просто-напросто теряю дар речи. Неужели мне настолько подфартило? Да в «Чернилах» же охренительные чаевые!

Глава 10

Иван

*Потому что ты идиот. Нет-нет,
не нужно так смотреть,
почти все кругом идиоты.*

(с) к/ф «Шерлок».

– Фил, у меня к тебе дело на миллион, – Захар опирается локтями на черную столешницу и нетерпеливо ерзает на кожаном диване, издающем смешные скрипящие звуки. Мое же предчувствие при виде горящих знакомым огнем глаз друга начинает вопить белугой. Главное, не угодить в изолятор как в тот раз, потому что беспокоить Волкова, особенно после того, как мы с пеной у рта доказывали, что подобное больше не повторится, будет совсем неудобно.

– У сестры новый хахаль появился? Пообщаться надо? – забираю у подошедшей официантки стакан холодного вишневого сока, делаю несколько глотков через широкую трубочку и пытаюсь вразумить часто вспыхивающего, как спичка, товарища: – Я по-любому в теме. Но давай без последствий, что ли.

– Да не в этом дело...

– В долги опять влез? – подозрительно кошусь на Лагутина, обладающего выдающимся талантом влипать в разнообразные аферы, вроде участия в сомнительной пирамиде или оформления кредита на покупку бытовой техники, которой он с гарантией сто процентов пользоваться не будет.

– Да нет же, – обрывает мои внутренние сомнения приятель, начиная абсолютно безбожно подлизываться: – ты же у нас компьютерный бог, повелитель всемирной паутины, властелин кодов...

– Захарка, а давай ты от подхалимажа перейдешь к делу, – без труда разоблачаю грубую лесть Лагутина и жалею, что не взял чего-нибудь крепче сока. Потому что воспринимать некоторые его просьбы без ста грамм невероятно сложно.

– Айфон одной девочки взломать нужно. Сможешь?

– Кхм, – набрав полные легкие воздуха, я закашливаюсь от такой детской непосредственности и поразительной беспечности. Смотрю в невинные серые глаза, и понимаю, что товарищ не прикидывается шлангом, а реально не врубается. – А ты что-нибудь слышал про защиту персональных данных? А про тайну сообщений и неприкосновенность частной жизни?

– Да понял я, понял, не продолжай, – грустно вздыхает Захар, демонстрируя пятьдесят оттенков вселенской скорби, и утыкается носом в тарелку с теплым салатом с руколой, черри и креветками. Накальвает на вилку сочную маленькую помидорку и продолжает буравить невозмутимого меня жалобным взглядом: – к нам в отдел новую сотрудницу перевели, а она вся такая невозмутимая, недосыгаемая, не знаю, с какой стороны подступиться. Так бы я почитал ее переписки, узнал бы, какие цветы она любит, куда ее лучше позвать...

– Лагутин, ты идиот? – борюсь с непреодолимым желанием с размаха приложиться лбом о гладкую поверхность стола и задаю резонный вопрос, первым приходящий на ум: – а подойти к ней и просто спросить ты не пробовал?

– Легко тебе говорить, – обиженно надувается друг, вяло ковыряя политые гранатово-уксусным соусом листья. – Ты ж не паришься, не ухаживаешь никогда, на тебя девчонки

сами вешаются и номера телефонов на чем только не пишут. Начиная от кофейных стаканчиков, заканчивая тысячными купюрами.

И, как будто в подтверждение его слов, рядом со мной на диван опускается рыжеволосая красотка в кукольном голубом платье с пышной юбкой-пачкой, грациозно вытягивает длинные ноги, обутые в черные туфли на экстремально высоком каблуке, и кокетливо хлопает пушистыми длинными ресницами.

– Не помешаю? – она нарочито медленно обводит кончиком острого языка пухлые губы, явственно намекая на пикантное продолжение вечера, и я, решив, почему бы и нет, подзываю официантку.

– Что будешь, конфетка, – я понимаю, что подобное обращение звучит до невозможного банально и приторно, прямо как в худшем американском ромкоме, но девушка ведется, расплываясь в довольной победной улыбке.

– Пина коладу, – ее выбор оригинален примерно настолько, насколько и моя «конфетка», но не за высокоинтеллектуальными ж беседами мы сюда пришли.

Так что после трех коктейлей рыжая соглашается поехать ко мне, и теперь мы стоим с Захаром на улице, пока она пудрит носик в дамской комнате. Лагутин стреляет у импозантного мужчины лет сорока с часами в три моих зарплаты сигарету и, подкурив и вдохнув порцию никотина, совершенно внезапно наступает на мою любимую мозоль.

– А с соседкой у тебя как?

– Никак, – игнорируя легкий холодок раздражения, пробежавшийся вдоль позвонка, пожимаю плечами и начинаю загибать пальцы: – во-первых, она дружит с Лизой. И, как ты думаешь, что со мной сделает Истомина, если я Ваську обижу? Правильно, руки-ноги повывергивает, местами поменяет и скажет, что так и было.

– Дословная цитата? – Захар прячет лающий смешок в кулаке, видимо, представив процесс моей экзекуции вживую. – А во-вторых?

– А, во-вторых, она ж проблемная. Ее добиваться надо, удивлять. А если разбежимся, квартиру продать, чтоб каждый день не сталкиваться? – скептически хмыкаю, оценив все минусы такого расклада, и переключаюсь на выплывающую под фонари рыжулю, облизывая взглядом высокую подчеркнутую корсетом платья грудь. – Все, брат, мы погнались.

Помогаю девушке разместиться на заднем сидении такси и не запутаться в многочисленных кружевах-рюшечках, а вот по прибытии отчего-то напрочь забываю позаботиться о своей спутнице. Внезапно подумав, что рассекать на байке сейчас было бы лучше.

Она справляется сама, выбираясь из салона и морща курносый, чуть вздернутый носик. Так что приходится отбросить спонтанный, но весьма соблазнительный порыв и вести новую знакомую в холостяцкую берлогу, надеясь, что она не из тех, кто намертво прилипает к парню после одного ничего не значащего свидания.

– Ты занимаешься спортом? – восторженно охает рыжая, замечая полочку с кубками и грамотами. Грациозно избавляется от своей неудобной обуви и торопится потрогать блестящие медальки, висящие здесь ради одной цели – разжечь любопытство и произвести впечатление на приглашенный женский пол.

– Да, в школе на бокс ходил. И сейчас иногда тренируюсь, чтобы форму не терять, – снимаю куртку и позволяю гостье убедиться в сказанном, демонстрируя облепившую тело футболку. Предполагаю, что тащить девушку сразу в спальню не комильфо, и протискиваюсь на кухню, намеренно задевая бедра рыжули своими: – кофе будешь?

Я гремлю ящиками в поисках своей любимой, еще не смолотой арабики, явственно ощущаю чужой заинтересованный взгляд между лопаток и так и не получаю ответа. Потому что в тот момент, когда я нахожу вожделенный пакетик с зернами, раздается пронзительный звонок в дверь.

– Откроешь? Наверное, курьер пиццу привез, – бросаю через спину и снова сосредоточиваюсь на приготовлении бодрящего напитка.

Подозреваю, что что-то идет вразрез с планом по воцарившейся в коридоре оглушительной тишине и отсутствию привычных фраз, вроде «приятного аппетита, благодарим за то, что выбираете нас». Я отставляю в сторону кофемолку, заворачиваю край упаковки с арабикой и закрепляю его зажимом и намереваюсь разобраться, что не так с заказом, когда квартиру оглашает истошное.

– Васильева-а-а-а!

При упоминании соседки ноги сами срываются с места и ускоряют свой бег, потому что ее появление обычно заканчивается катастрофой различного масштаба от клубничного мороженого на белоснежной рубашке до плавающих в канализации ключей. За считанные секунды достигаю места происшествия и обнаруживаю поистине незабываемую картину: обильно политый сметанным кремом бисквит красуется в медно-рыжих волосах, густая тягучая карамель стекает по аккуратному носу, а запах коньячной пропитки дразнит ноздри.

– Я для тебя торт испекла, – неуклюже разводит руками Алена и, закусив подрагивающую нижнюю губу, задирает подбородок. – Ну, дальше ты сам разберешься.

На ее хорошеньком, лишенном следов косметики лице явственно читается такое отчаянное разочарование, как будто я только что сообщил ей, что Деда Мороза не существует и он не положит подарок ей под елку. Правда, гамму противоречивых чувств, отразившихся на помрачневшей мордашке, я наблюдаю недолго, потому что Кнопка резко разворачивается и идет к своей квартире.

– Вась! – кричу ей вслед, зачем-то пытаюсь остановить, и получаю вскинутую вверх руку с оттопыренным средним пальцем. Просто мечта, блин!

Романтического настроения нет и в помине, желание соблазнить новую знакомую испарилось вместе с хлопнувшей дверью Аленкой, а вот за кулинарный шедевр становится обидно. Потому что даже на макушке у Шанской торт все еще выглядит аппетитно.

Ничего не объясняя рыжей, я впихиваю в ее руки полотенце и мечтаю, что она резво умоется и свалит по-быстрому. Но она упрямо приклеивается к месту и после непродолжительной паузы озвучивает-таки сакраментальный вопрос.

– Вань, кто она тебе, а?

– Просто... соседка.

Глава 11

Алена

*– Может, я и использую еду ради
чувства комфорта, зато шоколадный
торт ни разу меня ни в чем не обвинил.*

(с) м/ф «Дарья».

– Что-то ты быстро, – Лиля застывает в позе дерева, то есть прижимает левую стопу к внутренней поверхности правого бедра и смыкает ладони высоко над головой. Она вся такая спокойная и расслабленная, прямо как Мастер Угвэй из мультфильма про большую и жирную панду, и только искорки-смешинки в жизнерадостных глазах выдают ее подлинный настрой.

– Спектакль прошел на «ура», а вот публика провалилась, – отвечаю подруге низкий шутовской поклон и намереваюсь заесть полученный стресс чем-нибудь вкусненьким. Потому что образ нарядившейся, словно на выпускной бал, Златы никак не выходит из головы.

Под тоскливым завистливым взглядом Зориной я разграбляю холодильник, сооружая трехъярусный бутерброд с ветчиной, беконом, двумя видами сыра и помидором и впиваюсь зубами в хрустящую булку.

– Фто? – вопрошаю с набитым ртом и блаженно шурюсь от удовольствия. Кто бы что ни говорил, а еда, в отличие от людей, никогда тебя не бросит и не предаст.

– Ведьма ты, Васильева, – грустно вздыхает Лилька и меняет положение рук, заведя их за спину. – Столько есть на ночь и не толстеть – противозаконно!

– Должно же мое тотальное невезение хоть чем-то компенсироваться, а? – возражаю подруге, снова нацеливаясь на шедевр кулинарного искусства (не меньше). По крайней мере, так считает мой громко урчащий желудок.

Пару минут мы проводим в молчаливой идиллии: я – с бутербродом, Зорина – с йогой. На пятом куске вечер больше не кажется таким уж безрадостным, на шестом мир вновь обретает все краски, а на седьмом мысль о сорванном тет-а-тете соседа и Шанской начинает приятно греть мою мстительную натуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.